

18+

КУЛЬТУРНЫЙ ШИЗОФРЕНИК

ЛОТОФАГИ

Культурный Шизофреник Лотофаги

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65488748

ISBN 9785005387998

Аннотация

Фантастико-эротический неосимволистский роман. Гендерная и политическая дисфория, мусорный кризис и интернет как коллективное бессознательное «последнего человека». Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Лотофаги	5
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Лотофаги

Культурный Шизофреник

© Культурный Шизофреник, 2021

ISBN 978-5-0053-8799-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Лотофаги

95 ...Кто от плода его, меду по сладости
равного, вкусит,

Тот уж не хочет ни вести подать о себе, ни
вернуться,

Но, средь мужей лотофагов оставишись навеки,
желает

Лотос вкушать, перестав о своем возвращении
и думать.

«Одиссея»

Информационный прогресс сопряжён
с антропологической деградацией.

С. С. Хоружий

10 августа

Садовое товарищество «Речник» угнездилось на холме в получасе ходьбы от трассы М1, к югу от маленького уездного центра под Смоленском, малой родины первого космонавта, чьё имя теперь и украшает дорожные указатели на въезде в пределы города. От трассы к садам ведёт кривая тропинка: нужно пересечь ручей и пройти по редколесью вдоль поля. Путь не дальний, но тропа петляет по камням и буеракам, так что престарелым дачникам, – тем, кого больше других

влечёт к возделыванию земли – нелегко бывает нести с собой даже самую скупую кладь. Поэтому, следуя своему обычаю, Наталья Игоревна Евхаритская, уже на станции начала искать знакомые лица в толпе ожидающих. Она везла домой два тяжёлых пакета с продуктами и была бы не против получить помощь.

Проснувшись утром, она увидела на экранчике своего телефона льстивое уведомление о том, что честный работодатель, промышленный гигант ELLER, где служила она охранницей, перечислил на её счёт мизерное содержание в полтора десятка тысяч рублей. И поскольку она ждала этих денег, она сразу засобиралась в Гагарин, чтобы прикупить еды, заплатить за воду и свет, а также проверить пустующую квартиру. Теперь, сделав всё это, Наталья Игоревна, довольная, возвращалась в сад.

Солнце полыхало над миром. За окном, объятые его лучами, лежало большое пышное поле. Видно было, что у горизонта оно упирается в тёмный лесной массив. Где-то в грязно-голубом знойном мареве громоздились молочные облака...

Радиоволна доносила до пассажиров голос диктора: пробормотав новости районного масштаба, он пообещал слушателям грозу в конце недели, отчего Наталья Игоревна с удовольствием вздохнула – наскучившая жара понуждала её каждый день бегать с лейкой на огород, а потом ночью она долго не могла уснуть от беспокойства ног и нытья в запя-

стях.

На очередной остановке, когда схлынула большая часть пассажиров, взгляд Натальи Игоревны скользнул по салону. Один затылок привлёк её. Покрытая лёгонькой матерчатой кепкой лысина показывалась из-за спинки переднего сиденья. Это был Разживин.

Герман Иванович только что вышел на пенсию. У него имелась жена, но вместе их видели редко, из чего любопытными садоводами делались далеко идущие выводы. Участок его находился на соседней линии – за высоким забором высился шикарный трёхэтажный дом с гаражом.

В недавнем прошлом инспектор энергонадзора, Разживин всегда держался бодро, выглядел аккуратно одетым, подтянутым и весёлым. Женщины на него глядели с претензией. Евхаритская окинула взором соседей Германа Ивановича, ожидая увидеть рядом жену, но той нигде не было.

«Один едет» – догадалась она.

Наталья Игоревна ещё не пережила климакс, но уже приучила себя думать о мужчинах исключительно «с практической стороны». Такой подход казался серьёзным. После сорока Наталья Игоревна очень поправилась, заимела второй подбородок и стала серьёзной женщиной. Весь её новый образ сообщал серьёзность. И вот она всерьёз думала о Разживине, как о возможном муже, которого она уведёт от жены и потерпит, чтобы занять права на жилплощадь и дачу. Разумеется, Евхаритская понимала, что эти мысли невероятны,

но ей казалось необходимым лелеять их, чтобы казаться загадочней и тем самым выделяться на фоне молодых дурочек. Да, это был самообман, но он дарил ей хоть какое-то утешение.

Наталья Игоревна ещё раз с интересом поглядела на затылок Разживина – это несомненно был он.

Автобус подходил к знакомой тропинке. Разживин встал с кресла и, хватаясь за поручни и спинки, поплёлся вперёд. «Нам по пути» – сообразила Наталья Игоревна и тоже взялась за пакеты.

– Здравствуйте Герман Иванович! – поздоровалась она у дверей.

Разживин обернулся с косой улыбкой:

– Здравствуйте-здоровствуйте! Давайте, я вам помогу!

– Да не надо, да что вы!..

Водитель распахнул двери и Разживин, сойдя на песок, принял багаж Натальи Игоревны. Вдвоём они побрели вдоль дороги.

– Как там Илья мой? – справилась Евхаритская, когда подошвы их обуви зачастили по примятой траве – Всё доделал?

Разживин взглянул на часы:

– Уже должен закончить... Я как раз, кхм, деньги везу...

Илья – сын Натальи Игоревны – уже месяц как перебрался из города в сад, и жил, подрабатывая на соседских участках. Он возился на огородах, ставил теплицы, латал крыши, поправлял калитки, а теперь докрашивал забор на участке

Разживина.

Герман Иванович шёл споро, чуть пригнув голову. На нём, помимо кепки, была белая футболка с широким горлом и мешковатые джинсы; на ногах – кожаные сандалии-плетёнки. Натруженные худые руки его при каждом шаге раскачивались из стороны в сторону, грязное от пигментных пятен лицо влажнело под полуденным солнцем, блеклые серые глаза глядели озабоченно. Наталья Игоревна постоянно отставала, отыгрывая усталость. Она жаловалась на жару, на свои «ленивые» ноги, томно вздыхала, заговаривая о большом букете запахов летом, пускалась в долгие восторженные пассажи, если замечала редкие цветы или крупных насекомых. Чтобы шагалось свободнее и быстрее, Разживин закинул ношу на плечо. Он был внимателен и вежлив, но вопреки привычке говорил мало и только изредка бросал косые и как бы сожалеющие взгляды на спутницу. Наталья Игоревна от того, что разговор не клеился, злилась и на себя и на эти непонятные бегающие движения разживинских глаз и делала всё больше остановок, затягивая и без того утомивший обоих, докучливый диалог. Её тревожили сомнения по поводу своей внешности и поведения. Мысль о том, что она, может быть, выглядит жалкой, вызывала злобу. Когда подошли к садам, она, надеясь дать всему этому другое объяснение, вдруг сказала:

– Герман Иваныч, Илья сейчас всё равно домой... Давайте я деньги-то передам? Скажете, что мне отдали, хорошо?

— А? — удивился Разживин, — Да... Хорошо... Я ему тогда сейчас скажу тогда... сразу.

— Ага-ага.

И Герман Иванович вынул бумажник, где в отдельном кармашке была заготовлена банкнота в пятьсот рублей...

У ворот, неуклюже пошутив о своей старческой забывчивости, Разживин вернул пакеты, и они разошлись.

Тихо. Ворота разживинского гаража распахнуты, в проём бьёт дневной свет. В углу заметен сидящий на кортах парень с нечистым лицом, Илья. На нём запятнанная чёрная водолазка и обрезанные на коленях трико. На тапках налипло тесто из травы, краски и пыли.

Илья ловит глюк. Погрузив лицо в пакет, он на минуту учащает дыхание... Секунда, ещё секунда... Косой ошалелый взгляд медленно переходит с одного на другое, мысль притупляется, сердце в груди холодеет... Секунда, ещё секунда... Грани предметов меркнут, и мир, словно отражённый в кривом зеркале, сообщает Илье блаженное сомнение — сомнение в реальности всего, что явлено глазу.

Отнявшись от пакета, Илья поднёс к лицу свои запачканные краской, ярко-зелёные пальцы.

Сжимая и размыкая их, с дурашливой полуулыбкой наблюдал он за тем, как пальцы прилипают друг к другу. Под парами ему казалось, что это лопаются зелёные вши. Его поразило то, как мастерски он уловлял вшей, которые всегда

пробежали как раз тогда, когда он сводил пальцы. Илья раскрыл пакет и, углубив лицо внутрь, сделал несколько жадных вдохов.

На улице звякнула упавшая жестянка. Уходя в гараж, Илья приставил её к калитке, чтобы вовремя очнуться, если вернётся хозяин. Теперь, пытаясь сообразить, откуда донёсся звук, Илья замер и всматривался выпученными глазами в стену. Послышались шаги. Илья мигом скрутил пакет в кулаке – пакет лопнул, и краска закапала на колено.

– Илья! – позвали снаружи.

Илья дёрнул два раза кулаком, думая, что отбрасывает пакет в сторону, и, спотыкаясь, выскочил на улицу.

Забор был почти готов. Оставалось домазать с полдюжину штакетов. Илья уселся в траву на том месте, где прервал работу и только теперь увидел, что всё ещё держит прохудившийся пакет. Он разжал и обтёр ладонь, оставив на лопухах бесформенный зелёный ошмёток.

– Илья! – донеслось сзади.

Илья достал из-под себя запачканную землёй кисточку и погрузил её в банку.

– Илья! – из-за сарая вышел Разживин – А, ты тут!.. Скоро закончишь?

– Да уже...

– Я это... встретил... я деньги матери твоей отдал. Если это... Когда обедать пойдёшь... В общем, деньги уже у неё.

Сцепив зубы, Илья молча возил кисточкой по штакетине.

Разживин постоял и, не дождавшись ответа, зашаркал прочь.
– Говяжья рожа, мудозвон старый! – неслышно пробормотал Илья.

Он с силой и ненавистью харкнул на забор и стал набрасывать краску густыми шлепками, быстро растаскивая её широкими движениями книзу и кверху. Минутой позже всё было кончено. Бросив кисточку на песок, Илья зашагал к дому.

Хотя Разживин пропустил мимо ушей речи спутницы и не обратил должного внимания на её заискивания и ужимки, домой Евхаритская пришла в боевом расположении духа. Улыбаясь своим тайным мыслям, она сноровисто выгрузила продукты, протёрла стол и с весёлым ожесточением принялась за готовку.

Включив телевизор, она дождалась, когда закипит чайник, затем наполнила кипятком маленькую блестящую кастрюльку и, поставив её на огонь, села к столу – так удобнее было чистить овощи.

В кухню из погреба тянуло прохладой. По телику шёл какой-то слезливый сериал, воробьи почирикивали на вишне возле окна и муха, залетевшая в дом, билась о плафон люстры, которую Наталья Игоревна зажгла, чтобы не портить зрение.

Кухня в их стареньком двухэтажном домишке соседствовала с летней верандой, где стоял полированный, раздвижной стол, ещё советские стулья с высокими спинками, а

также скрипучее кресло-качалка, на заказ сплетённое из лозы местным умельцем. На веранде всегда было светло и уютно...

Зазвонил мобильник в кармане сумочки.

Наталья Игоревна отложила картошку и, обтерев полотенцем руки, посмотрела на экранчик. Неизвестный номер высвечивался на нём.

– Алё? – спросила в трубку.

– Здравствуйте. Я звоню по поводу квартиры... – откликнулся грубоватый женский голос на том конце – Вы ещё не сдали?

– Здравсьте! Пока свободно...

– Я хотела бы снять на неделю, можно? Сколько будет стоить?

Евхаритская почесалась в затылке:

– Ну, если на неделю... Пять тысяч, плюс коммуналка. Вас устраивает?

– Пять тысяч?... – задумались на том конце – Окей. Давайте завтра утром встретимся, вы мне квартиру покажете и ключики я возьму. Вы сможете?

– Ага, где-то после девяти часов я подъеду.

– Я тогда вам наберу, хорошо? Вы только не сдавайте больше никому до завтра!

– Ладно, договорились! – засмеялась Наталья Игоревна – Только и вы уже точно приезжайте, не обманывайте!

– Нет-нет, я обязательно буду.

Попрощавшись, Евхаритская положила телефон возле себя и вдруг оцепенела, заслышав позади скрип половицы.

– Илья! – обернулась она – Нельзя же так пугать, ну!

Илья угрюмо протиснулся в дом, сел к столу.

– Сейчас сготовится, подожди немного... – вздохнула Наталья Игоревна – Налить чаю пока?

С кастрюлькой она подошла к электроплитке, сняла крышку и бережно начала пересыпать нарезанные соломкой овощи в бурлившую воду. Сын исподлобья глядел в телевизор.

– Будешь? – переспросила Наталья Игоревна.

– Разживин деньги отдал тебе?

– Сыночка, давай покушай сначала... С самого утра голодный, наверное...

Наталья Игоревна шагнула от плитки к столу и погладила сына по волосам. Илья отстранился и, проскрежестав стулом, отправился на веранду, прикуривая на ходу. На антресоли Евхаритская нашла кружку, налила в неё чай, понесла следом.

– Деньги где, мам? – повторил Илья.

Он держал грязно-зелёными пальцами сигарету, продолжая хмуро глядеть под ноги. Евхаритская всплеснула руками:

– Илья, ну хоть бы умылся, прежде чем за стол садиться! Иди, растворитель возьми наверху.

Она поставила кружку на скатерть, и обернулась, готовая

идти за полотенцем, но не успела и двух шагов сделать, как из-за плеча полетел гневный окрик:

– Ма, ты глухая что ли? Где, говорю, деньги мои?!

У Натальи Игоревны похолодело внутри. Она живо обернулась и попятилась к телевизору, скрестив на груди руки. С напряжением в голосе пробормотала:

– Так, ты чего кричишь?

Илья вместо ответа подхватил и швырнул в мать кружкой. Кипяток выплеснулся на стену и на плитку, чай зашипел на раскалённом тэне. Лёгкая пластмассовая кружка попала в губу, скакнула на полку и там завертелась. Из губы засочилась кровь. Евхаритская проглотила подступивший к горлу комок, шагнула к сумке. Вынув деньги, она бросила их на стол и спешно убежала к себе.

– Чё ты вымораживаешь-то меня!! – завопил Илья в спину.

Наталья Игоревна судорожно искала резиновые сапоги. Натянув их, она неверной рукой схватила корзинку под грибы и выскочила на улицу. Сын молча пил чай с булкой, когда она проходила мимо. Его поза была выражением зла и презрения.

К лесу вела узкая стёжка. Прижимая к разбитой губе рукав чёрной ветровки, Наталья Игоревна семенила по ней вдоль дачных наделов. Она шла, приклонив голову, и делала над собой усилие, чтобы умирить плач. Тёрла и шурила

воспалённые глаза и поправляла взлохмаченные ветром волосы, которые в спешке не успела убрать должным образом. Не дай бог, кто-нибудь из соседей увидел бы её такой. Щёки жгли слёзы жестокой обиды на Илью. По привычке, появившейся у неё в последние годы, Евхаритская внушала себе, что у сына снова замкнуло в голове; что он опять обдышался клеем и действовал в состоянии помутнения ума; что и сама она сильно сглупила, взяв у Разживина чужие деньги. Так она думала, но если прежде подобный ход мысли помогал ей справиться с терзающей душевной болью, то теперь делалось только хуже. Выходило так, что она просто не могла заставить Илью вести себя уважительно и только поэтому придумывала ему алиби.

– За что-о?.. – шептала она про себя – Я же ему во всём помогаю... Я же ему...

И она задыхалась перед лицом ужасной несправедливости мира.

Перейдя поле, Наталья Игоревна присела на опушке леса и дала волю рыданиям. Спиной к толстому стволу дерева, сидела она на траве и вспоминала, каким хорошим и справедливым мальчиком был её сын когда-то...

Едва окончив школу, Наталья Игоревна – а тогда просто Наташа, – перебралась в Смоленск, чтобы учиться на повара. Первой же осенью её обрюхатил уголовник, отдохавший между отсидками на шее многодетной супруги, у которой девушка сняла угол. Учёбу пришлось забросить. Она вернулась

в Гагарин под крыло уже тяжело заболевшей матери и вскоре переняла на себя её родительское бремя.

Илья рос обычным ребёнком. Учился как все – без больших успехов и неудач. В старших классах, попав на выставку «Моё хобби», обнаружил интерес к рисованию и три следующих года, пока не бросил, посещал художественную школу. И всё это время они жили мирно: ни дома, ни в школе, ни на улице поведение Ильи не становилось предметом особого обсуждения. Так что Наталья Игоревна не слишком переживала за будущее своего ребёнка, считая, что он без труда найдёт колею в жизни. Нужно просто ждать. А пока она бралась за любую работу, всё – чтобы купить больше игрушек, хорошую одежду, мольберт или велосипед, чтобы дать сыну образование и возможность устроить своё счастье.

Эти мечтания оборвались внезапно... Однажды – Илье шёл уже девятнадцатый год – октябрьским вечером, сын возвращался домой после праздничного застолья, проведённого в кругу друзей-однокурсников. В тесном переулке злой человек подошёл со спины и, свалив юношу наземь ударом чего-то тяжёлого и тупого, опростал карманы его одежды, попутно унеся с собою и часть ещё неокрепшей души. До ночи, прежде чем прохожие обнаружили и отвезли его, окровавленного, в больницу, Илья лежал под балконами в свете старой общаги. А утром, придя в сознание, узнал от врачей, что получил повреждение мозга и отныне до скончания века обязан жить с титановой заплатой в кости черепной

коробки. Вскоре обнаружили проблемы в общении: Илья упускал окончания слов, когда говорил, иногда и вовсе терял способность выражать мысль, и лишь полгода спустя, после долгого курса физиотерапии, речевые навыки стали восстанавливаться. Но едва Наталья Игоревна облегчённо вздохнула, решив, что крупные несчастья обошли семью стороной, как, словно в наказание за её преждевременный оптимизм, открылась настоящая беда: Илья замкнулся в себе, стал уходить в запой, нюхал лак и бензин, сделался задиристым и жестоким. Да, лаком дышал он ещё и раньше. На памяти Евхаритской было два случая, когда она заставляла сына с пакетом дома. Но то была лишь маленькая детская глупость, а теперь, когда вдыхать пары начал сложившийся человек, это уже никак не казалось ей пустяком. Теперь она заставляла его на заросшем пустыре за их домом. Илья с баклажкой пива, спрятанной под куртку, сидел на земле, клонясь над банкой с клеем или бензином. Втыкал в пространство, хохоча над тем иллюзорным, что представало перед ним в минуты токсикоза. Другой раз, надышавшись, Илья шёл к дороге и подолгу стоял на обочине, ожидая лихого водителя, чтобы пробежать прямо перед бампером его автомобиля – такой странный способ пощекотать нервы, придуманный его повреждённым умом. И ещё об одном подобном развлечении рассказывали Наталье Игоревне. Перебрав пива, её Илья садился в городской автобус и приставал к пассажирам, в надежде затеять драку, что, слава богу, никогда не сбывалось,

потому что в маленьком Гагарине все его знали и старались не замечать. Иногда, если Илья вёл себя совсем уж неподобающе, его сообща выталкивали на обочину и тогда он шёл к кустам и рыдал, даже и не рыдал, а рычал сквозь слёзы: «Неужели это я? Неужели это моя жизнь?»

Горькие безадресные стенания, не раз слышанные горожанами, передавались матери и вот теперь против воли вставали в памяти, заставляя Наталью Игоревну содрогаться от обиды и жалости.

Евхаритская пошевелилась, едва не упала и поняла, что дремлет. Она поднялась, утёрла лицо, не спеша, побрела по тропе. Раз уж она оказалась в лесу, хорошо бы собрать грибов или ягод. Но мысли о сыне ещё долго не отпускали её, так что в уме снова и снова рождались воспоминания о неприятностях, пережитых в прошлом.

Да, она пожертвовала всем ради него... Работала с утра до вечера, напрочь отказалась от личной жизни, каждый год копила на отпуск, чтобы летом побывать с сыном на море. Как и почему совместный их быт обернулся тем кошмаром, в котором она жила ныне?

И Наталья Игоревна припомнила, как месяц тому назад сама она укрыла Илью на садовом участке...

Прошёл год после травмы. Илья устроился в автосервис, ему удалось сдать на права, он взял в банке кредит и купил

подержанную иномарку. Это был японский хетчбэк – ниссан альмера, новая модель. Раз или два Наталья Игоревна видела, что Илья подвозил девушек, и ждала – вот-вот сын найдёт жену, оставит свои привычки и превратится в благоразумного человека, опору и защиту для близких. Каждую весну она стала переезжать на дачу, оставляя сына одного в городской квартире, дабы он в тиши и покое свободно строил личную жизнь. Но ни в первый, ни во второй год Илья не женился. От машины он вскоре избавился, не сумев совладать с кредитом, а оставшиеся деньги профестивалил. Едва проводив мать, он устраивал дома вертеп, пускался в загулы и искал неприятностей. На редкие же упрёки отвечал, что это в его понимании и значит – строить личную жизнь.

По уже утвердившемуся сценарию завязался и этот год: в апреле Наталья Игоревна уехала в сад. Илья загулял, но в середине июня вдруг прикатил в «Речник», объяснив внезапный визит скукой и желанием помочь по хозяйству. Приехал сильно побитый, заикающийся, с большой гематомой на шее. На все расспросы и предложения он отмалчивался, а в городе от болтливой соседки, Наталья Игоревна узнала, что у Ильи стали бывать двое парней. Они вызывали его на лестницу, беседовали на повышенных тонах, угрожали расправой. Но кто это приходил, а главное чего они хотели, соседка не знала. Тогда-то Наталья Игоревна и упросила сына остаться – и вот уже месяц Илья жил вместе с ней, на даче...

Наталья Игоревна забиралась всё глубже в лес. Искоженные тропинки кончились, теперь пошли непролазные кущи. Солнечный свет еле проникал сквозь высокие кроны, на поросших папоротником полянах царил благодатный покой. Пели далёкие птицы, шумели листья над головой, поскрипывали качавшиеся деревья и кто-то невидимый словно нащёптывал в ухо обещания, что всё в конце концов образуется.

Наталья Игоревна подняла глаза к небу, вдохнула лесного воздуха и тихонько запела:

Вот и лето прошло
Словно и не бывало
На пригреве тепло
Только этого мало...

От силы и нежности собственного голоса, от безмятежности, царившей вокруг, она, наконец, пришла в себя. Походка её стала легче, зрение обострилось, руки проворней зашарили в густых травах. Сами собой на ум приходили слова песен, тех старых песен, что были популярны в дни её молодости; тех, слова и мотивы которых она хорошо знала и легко могла воспроизвести на слух:

Между мною и тобою – ленты шоссе.
Крики чаек над водою, травы в росе...

Что заблудилась, Наталья Игоревна поняла, когда тропинка, по которой она брела всё время, вдруг исчезла, а почва под ногами сделалась мягкой и начала затягивать подошвы её сапог – с каждым шагом всё глубже. Наталья Игоревна вылезла из хляби и постаралась вспомнить, в какую сторону и как долго шла она в лес. И получалось то, что она уже должна набрести на ограждение гагаринского заповедника, у рубежей которого приютилось садовое их товарищество. Как и все местные, Евхаритская знала, что, двигаясь вдоль ограждения, можно выйти к трассе, а оттуда добраться до «Речника». Значит забор и надо искать.

По солнцу она определила себе направление, и, выбирая места посуше, зашагала вперёд.

Уже скоро из-за деревьев показалась узорчатая рабица – она окаймляла заповедную зону. Наталья Игоревна удовлетворённо вздохнула, но мысль о том, что вскоре снова она столкнётся с Ильёй (конечно уже напившимся) и ей опять придётся терпеть грубости и оскорбления, показалась невыносимой. «Здесь, в глухих дебрях, так хорошо, так спокойно – думалось ей – Не лучше ли вернуться на дачу поздним вечером, и тотчас же повалиться в кровать от усталости?»

И она повернула в другую сторону.

Сколько себя помнила, Евхаритская ни разу не была на территории заповедника. Знала: зона патрулируется инспекторами природоохранной службы, нарушителям грозит штраф и другие неприятности и ещё слышала от знакомых,

что лес кишит диким зверьём. Прежде эти риски увели бы её прочь, но теперь сердце зашло от жгучего любопытства. Быть может, так о себе заявляла назревшая потребность отвлечься от злых мыслей о сыне, а может общая взвинченность нервной системы требовала от неё авантюрного жеста, так или иначе, но было что-то, что заставило Евхаритскую найти деревце, стоявшее вплоть к сетке забора, и перелезть. Себе в оправдание она сказала:

– Там, наверное, целое море грибов...

Часом позже Наталья Игоревна застала себя в малиннике, где она, алчная, обрывала перезрелые ягоды. С мыслью о том, что «хорошо бы ещё осмотреть окрестности», она вылезла из бурелома и скоро очутилась на широком лугу, усыпанном синими звёздами чертогона, белой снытью, клевером да полынью. Вдалеке необоримой стеной вставали ядовитые стебли борщевика. Наталья Игоревна пошла по полюне, любуясь растениями, наслаждаясь голосами птиц и шёпотом ветра. Удивительный, чуть слышный эфир, обещая какое-то счастье, плыл над цветами. Евхаритская пригнулась к земле и глубоко вдохнула, и ей захотелось разыскать источник этого благоухания. Один за другим, она принялась рвать цветы, мяла в руках колоски и листья – всё было не то. Когда дошла до зарослей борщевика, поняла, что запах усилился. Евхаритская потянула носом и даже ахнула от внезапного наплыва чувств. Она накинула и стянула завязками капюшон,

руки убрала в рукава и с осторожностью вторглась в ряды поганого борщевичного войска. Скоро борщевик кончился, её снова обступила высокотравная непролазь. Запах стал крепче. В попытке понять, что так глубоко волнует её, Наталья Игоревна с удовольствием вбирала грудью пьянящий воздух. Ароматный его состав не был похож на сложные букеты дорогих вин или деликатесов, он вообще был «не про еду», но это не был также и запах изысканного парфюма или восточных благовоний – пахло как бы самим светом, раем земным. В горле у Натальи Игоревны першило, голова кружилась, и дрожь волнами прокатывалась по телу. С азартом кладоискателя переходила она от дерева к дереву, сгибала молодую лозу, тревожила землю мыском сапога и задавала себе один и тот же простой ясный вопрос: «Откуда запах?» Казалось, аромат творился в воздухе из ничего. Столбцы солнечного света тут и там били сквозь реденькую листву, и, если дул ветерок, рассыпались, золотыми спицами прохватывая пространство. Под ногами оказывались всё те же ростки клевера и лебеды, одинокий вороний глаз смотрел из былинки пырея. Сапог натолкнулся на что-то твёрдое. Евхаритская отступила назад и увидела вырост в траве. Это был срамной уд грибницы. Наталья Игоревна, встала на колени, потянула носом и сразу же поняла – вот оно! Сильный, гладкий, голубовато-розовый уд торчал из земли, извергая вовне душистые протуберанцы.

Потоки тепла щедро питали этот участок луга, и за день

согрели член так, что Евхаритская почувствовала жар на кончиках пальцев, когда коснулась его голубоватой головки. Вынув складной нож, она попыталась срезать вырост у основания, но острое бессильно заходило по краю, как по стволу молодого деревца. На лезвии, однако, осталась лёгкая взвесь. Наталья Игоревна сняла её языком и сразу почувствовала половое томление. Трясущимися руками она стащила с ног сапоги, затем леггинсы и трусы. Куртку расстегнула, но не сняла. Леггинсы она расстелила под собой, чтобы не застудить коленей. Облизнувшись, обняла уд губами и стала сосать его с большим трепетом и усердием. Да, её рыхлые, целлюлитные тела давно утратили былую свежесть, но в самой пластике рук, в движениях бёдер всё ещё угадывалась кошачья гибкость; тот образ, в котором давным-давно представала она перед мужчинами, и который дарил ей над ними власть. Теперь, когда, закрыв глаза, она облизывала головку, воскрешаемый ею, этот образ как будто делал её достойной наслаждений любви, а значит позволял забыть про все свои неурядицы и на часок-другой преобразиться из страшной и глупой, измученной бытом тётки, в обаятельную лесную нимфу. Раскрасневшаяся от нахлынувшего возбуждения, она уселась на уд верхом и ёрзала на нём, потрясая обвисшими ляжками. И казалось от влаги, вырабатываемой любовными железами, гриб-пенис рос и крепнул внутри. Она двигалась решительнее, стонала смелее и громче, и с тем полнело и ширилось её сиюминутное счастье...

Так прошёл день. Лёгкая, как пушинка, Наталья Игоревна плясала между деревьями, смеялась и падала на траву, закидывала ногу на ногу и беседовала с птичкой, что выводила рулады где-то невдалеке, а то вдруг начинала соблазняться собственной наготой. Тогда она взбиралась на уд, извивалась всем телом, дрожала и забывалась, – и раз, и второй, и десятый – и когда, наконец, пришла в себя, настал уже вечер. Лёгкая ломота в теле и жуткий голод вывели её из блаженного забытья. Она огляделась: куртка, блуза и лифчик – теперь уже вся одежда была сброшена в быльё.

Пришёл срок возвращаться, и надо было как-нибудь обозначить место. Отныне и навсегда это – её укромный уголок, её тайное святилище, куда станет она приходить в минуты тоски и отчаяния.

С двух сторон к поляне подступал борщевик – самый верный ориентир. Но из раза в раз продираться сквозь эти редуты небезопасно, и потому неплохо было бы найти другой путь: чище, короче, прямее. Натянув сапоги, Наталья Игоревна обошла лужайку. На сук дерева, чтобы не упускать из виду грибное место, повесила свои сиреневые трусы, и, запоминая дорогу, двинулась через лес. Несколько раз она оборачивалась на ходу и ловила взглядом яркий сиреневый маячок позади, но скоро оказалось, что выбранный ею окольный путь, который, как предполагалось, ведёт к столбам ограждения, уходил всё в те же кущи борщевика. Получалось так, что борщевик окружал чудесное место со всех сторон, а зна-

чит пройти на поляну, минуя его жгучие зонтики невозможно. Это, впрочем, значило ещё и то, что никто и никогда её не отыщет здесь.

Какое-то время, вдыхая терпкий воздух, Наталья Игоревна бродила по округе, нашла ещё десяток срамных грибов, затем, уже в полутьме наступивших сумерек, с большим усилием спилила два экземпляра и убрала в пакет. Ей в голову вдруг взбрела развратная мысль, что «неплохо бы это зажарить на ужин, а ещё лучше – приготовить настойку или отвар».

Дома она оказалась поздно. Возле дверей села на табурет и, объятая дремой, с упоением сомкнула ресницы. А ведь её ждут сборы – нужно готовить багаж, припасать одежду, проверять документы. Ад! Усилием воли Юлька заставила себя разуться, включила душ.

Если день грядущий обещал много хлопот, тотчас за ужином Юлька ложилась в постель, а для верности пила снотворное, чтобы, перескочив стадию засыпания, сразу ввергнуться в глухую пучину бесчувствия. Зато утром она поднималась рано, легко завтракала, садилась за руль своего матиза и как угорелая мчалась на работу, стараясь поспеть прежде чем потоки машин затолкнут Щёлковское шоссе в пробке. Именно так начался этот день...

Едва Юлька закончила и отнесла главреду материал о бездомных, как он дал ей новое поручение. Фонд Ириевского

выделил грант на освещение протестных акций в Гагарине, а значит нужен лонгрид с места событий для очередного номера. Ей предстояло поехать туда и написать его. И завертелось: Юлька мгновенно нашла на авито жильё, позвонила хозяйке и условилась с ней о встрече; затем получила у бухгалтерши командировочные; тут же выяснилось, что от города до лагеря протестующих аж две дюжины чёртовых километров, так что по рабочей необходимости ей придётся каждый день совершать неблизкие вылазки. Это значило, что в Гагарин нужно выезжать на своём авто. Тогда Юлька догнала главреда, – он уже зашёл в лифт, готовый ехать на радио, – и вытребовала у него надбавку к командировочным. Получив дополнительные деньги, она отправилась к косметологу, а на обратном пути зарулила в экспресс-сервис – на диагностику, где механики её убедили, что машина в полном порядке.

И вот теперь, поздним вечером, Юлька возвратилась к себе и стояла под душем, смывая груз будничных забот и тревог.

Днём, в автосервисе, пока жрецы-техники, склоняясь над мотором её малолитражки, проводили свои мистические обряды, Юлька сидела в кафешке и, погружаясь в тему, читала с экрана айфона хроники гагаринского протеста.

Всё началось весной... В период половодья жители сёл в окрестностях местного заповедника озаботились необычайной по их оценкам замусоренностью водоёмов. Загрязняя возделываемые луга, разноцветный лежалый пластик днём

и ночью плыл по руслам рек и протоков. Все недоумевали: «Откуда?» Начались митинги и роптания. На одном из народных сходов выяснилось, что в последние месяцы на дорогах замечают странные грузовики с московскими номерами и их тут же связали с сорным паводком, якобы во владения заповедника властями тайно свозятся бытовые отходы из столицы и области. В таком виде слухи попали в СМИ. Протрубив в свой рожок, СМИ разбудили различные фонды и организации, они подняли активистов, а те привлекли под экологические знамена простых сочувствующих. Очень быстро возле заповедного леса стихийно вырос палаточный лагерь, который после каждого омоновского набега не только не исчезал, но чудесным образом рос да ширился, словно протестующие размножались насилием. Вскоре активных стало так много, что они назвали себя коммуной и смогли перекрыть движение на участке федеральной трассы. И никто не знал, как их утихомирить.

Во всём прочитанном Юльку порадовало лишь одно: пикетчики перекрывают путь грузовому транспорту, тогда как легковушки и автобусы пропускают, и значит, слава богу, никто не станет к ней приставать, «а ну, покажи багажник!» Завтра она поднимется рано, бросит свои пожитки на заднее сиденье и, спустя пару часов, прибудет в Гагарин, чтобы посвятить всю неделю работе над очерком. Надо заставить чинуш строить большие мусороперерабатывающие заводы, как это делают в нормальных странах, а не заметать грязь

под ковёр. Вся эта мерзкая запутинская сволочь не понимает, что они причиняют вред не только себе и своим детям, но и всем остальным...

После автосервиса Юлька заехала в магазин за посылкой. Из Голландии пришла очередная партия препаратов – эстрагил и финастерид – номера 7,8,11. Сложив свою ежедневную норму, Юлька подсчитала – на неделю, чтобы чувствовать себя хорошо и не нарушать баланса в гормонах, ей придётся взять полсотни разных пилюль, шприцы, витамины, андрогель.

Юлькина женственность питалась трупными соками маскульта и химией бигфармы, и так как Юлька берегла свою женственность, без каждодневного комплексного приёма элитных таблеток её самочувствие ухудшалось – страдала самооценка, снижалась работоспособность. Тогда она чувствовала себя отверженной и ненужной и, чтобы возместить этот ущерб, предпринимала разные усилия по поддержанию своего образа. Всё время она как бы бежала за поездом, что следовал транзитом из рашки в страну вечного счастья. То была страна сверкающей рекламы, страна мужественных женщин и женственных мужчин, изнеженная страна успеха, порядка, терпимости и комфорта. Немногие могли уехать туда – лишь самые свободные, самые умные, расторопные и легковесные получали билет. И вот она делала всё, чтобы вскочить на подножку этого молниеносного v.i.p.-поезда: любила свободу, следила за трендами и топами, жадно читала «Esquire»,

МБХ и «Новую».

Выйдя из душа, Юлька надела любимый пеньюар, обмотала голову полотенцем и встала у зеркала. Обтерев рукавом его запотевшую гладь, она увидела в отражении розовое от жары и пара лицо. Детски наивное лицо казалось вполне женственным, разве что форма подбородка требовала небольшой коррекции, да ещё стоило подкачать губы. Хотя ей и нравилось то, что она видела, Юлька не до конца верила этому образу. Скорее это был идеал, который она считала прекрасным и за которым пряталась от своих комплексов. Довольство на лице в душе отзывалось чувством неполноценности.

Юлька приняла игривую позу, словно девушка с обложки дорогого иллюстрированного журнала, отпахнула пеньюар и предстала перед зеркалом голой. Грудь явно стала внушительней. Бёдра – шире. Кожа – нежнее. Но между ног, как и прежде, торчал маленький коричневый член. И он обесценивал всё остальное.

Наталья Игоревна видела себя студенткой, гулявшей всю ночь и теперь аккуратно, стараясь не заскрипеть половицей, возвращавшейся в свой приют. Она чувствовала прилив сил, искала красоты в каждой мелочи, к которой обращалась вниманием, и хотела вести долгие интимные разговоры.

Подступала ночь. Солнце скрылось за горизонтом. Тёплый ветерок снимал шелест с травы и листьев. Выйдя на

опушку, Наталья Игоревна окинула взором крыши «Речника». Там было тихо, только лениво полаивала собака, да цикады трещали в высокой траве. В поле копошились на грядках две толстые старухи в цветистых купальниках.

Быстрым шагом Наталья Игоревна двинулась к дому. Илья, думалось ей, теперь уже наверное сильно набрался и сопит на веранде, или же, что тоже бывало нередко, пошёл искать себе собеседников из числа местных алкашей, кроме того мог он быть ещё и у цыганки – та жила с детьми в домике при въезде. Она молода, одинока и ещё не утратила женского обаяния. Цыганка появилась в «Речнике» три года назад. Притащилась устраиваться на должность сторожа, потому что помимо жалованья сторожам давали крышу над головой. Илья, как только перебрался в сады, стал навещать её караулку, а иногда проводил там целые дни и ночи.

Наталья Игоревна осторожно пробралась в кухню, прислушалась. Было тихо. Значит Ильи нет. Наверняка, он припрётся под утро... Наталья Игоревна глубоко вздохнула, включила чайник, опустилась на стул. С видимой усталостью принялась раздеваться. Ей мечталось скорей запереть двери у себя в комнате и забыться в сладком тягучем сне.

11 августа

На прикроватной тумбочке пикнули часики. Илья захотел и не смог перевернуться на другой бок и тогда понял, что от-

давил руку. Это его разбудило. В мягкой одежде, он лежал на кровати бок о бок с Кристиной в её сторожке. Включенный старый телевизор транслировал белый шум. Рассветный час сбывался за окнами.

Илья привстал – рука плетью упала на пол. Кристина потянула одеяло на себя, уткнулась лицом в подушку. С минуту Илья сонно щурил глаза, высматривая очертания предметов в полумгле крохотной комнаты. Действующей рукой он нащупал на полу сигареты и зажигалку, закурил. Затем поднялся и, шатаясь, пошёл к двери. В соседней комнате на полу, на двух составленных креслах и раскладушке спали дети: всегда хмурый Милан, заводная темноокая пятиклашка Злата, крикливая Лизка. Неосторожно распахнув дверь, Илья разбудил мальчика – он молча поднялся, перенёс постель ближе к стене. Илья вывалился на улицу, обогнул домик, возле компостной ямы нагнулся и его вырвало чем-то клейким. Рука заняла от прихлынувшей крови.

Напоенный полночной свежестью ветер трогал ветви садовых деревьев, шевелил побеги пырея возле заборов, клонил затяжелевшие от росы бутоны цветов на ухоженных грядках.

Отплевавшись, Илья пошёл домой. Нужно озаботиться похмельной лихорадкой, которая, как он знал, попортит ему наступающий день. Дома, припрятанные, лежали кое-какие деньги, и теперь ему взбрело в голову проверить, целы ли они. Придя, он разыскал в серванте книгу, куда в толщу бу-

маги заложил с вечера оставшиеся сто рублей, раскрыл её и понёс с собой в постель. Несколько раз повторил вслух название — книга называлась «Девяностые годы». На мягкой обложке были нарисованы уставшие крестьяне в широкополых шляпах: один, с голым торсом, стоя, пил из кувшина, второй дремал, опершись на лопату.

Положив роман под подушку, Илья завалился спать и скоро по дому разнёсся его перегарный храп.

Наталья Игоревна того только и дожидалась. Накинув халат, она аккуратно выбралась из кровати и вышла в кухню: надо было согреть и упаковать обед. Сегодня её смена. Она дежурила на КПП фанерной фабрики, сутки через трое.

Повинуясь привычке, она закружилась в давно и хорошо заученном танце: во-первых, умыться и сготовить завтрак, затем убрать в пакет постиранную сменную одежду, разогреть и наполнить съестным термосы. Управляясь с делами, Наталья Игоревна с удовольствием отмечала, что чувствует себя отдохнувшей и готова следующие сутки работать усердно и добросовестно, чего давно уже с ней не бывало.

Перекусив, она достала из погреба срезанные вчера грибы. За ночь они подсохли, кожица сделалась мягче, волшебный запах истончился, но не исчез, так что в груди защемило от приятных воспоминаний. Если уже запах производил столь дивный эффект на неё, то как скажется вкус?

Чтобы совсем размочить мякотку, Наталья Игоревна по-

тушила грибы с овощами, а затем прокрутила их в мясорубке. По вкусу получившийся соус напоминал какую-то экзотическую дальневосточную приправу – вкусно, но ничего сверхъестественного. Упаковав всё в термосы и пластик, Наталья Игоревна взяла ключи от гагаринской квартиры и отправилась на работу.

В 6:10 Юлька выехала на МКАД. Просторные улицы ещё не успели заполниться транспортом, и она медленно, с удовольствием, катила по малолюдной Москве. На шоссе прибавила газу, и уже скоро за окном, перерытые техникой, открылись поля с заборами недостроев, а вдоль обочин замелькали жиденькие косы берёз да потемневшие от времени избы. И сразу стал омерзительным говор кривляющихся радиодиджеев. Юлька выключила магнитолау, опустила боковое стекло, и ушла в дневники памяти.

Двадцать шесть лет назад она обрелась в теле мальчика и получила мужское имя – Юрий. Детство проходило в тихом приуральском городишке, где разные люди, выходя поутру из квартиры, через час могут запросто встретиться на работе, потому что большая часть населения пригвождена судьбой к одному гигантскому предприятию. Таким предприятием в родном Краснокамске был целлюлозно-бумажный комбинат. С ранних лет, мать Юрки – тихое, но своеправное существо – работала на нём в должности аппаратчика химводоочистки. Здесь же она встретила мужа, у кото-

рого в год распада СССР нашли уже развившуюся опухоль в лёгких. Взрослел Юрка без отца. Мать, сделавшись вдовой, ударилась в веру, задвинула куда подальше наивные мечты о лучшей доле и потеряла остатки женственности, да и вообще, как казалось, интерес ко всему на свете, и только во имя сына продолжала отбывать номер среди живых. Впрочем, и сын очень скоро сделался заложником её экзальтированной религиозности: весь быт мать устраивала так, чтобы отгородиться от внешних тревог и предотвратить всякую неожиданность и ради этого неустанно придумывала, а затем вплетала в кружево их повседневности самые невероятные системы предписаний и ритуалов.

К примеру, мать объявляла, что им совершенно необходим плоский телевизор вполстены. Она брала бумагу и карандаш, звала сына, усаживала его возле себя и диктовала, какие траты и на какой срок в их семейной казне следует сократить или искоренить. Памятка прищипливалась к дверце шкафа и её положения неукоснительно соблюдались до обозначенной даты. Но весь абсурд замысла вскрывался лишь тогда, когда только что купленный телевизор вешали на стену. Мать писала очередной регламент и в нём запрещала его включать до и после определённого часа, как будто ограничения, связанные с покупкой, и были смыслом покупки. Иногда на шкафу висело с дюжину самых странных инструкций.

За любым нарушением следовала репрессивная досто-

евщина: вначале устраивалось дознание на тему того, что именно заставило Юрку преступить родительские заветы; далее путём перехода от политики гневных упреков к пренебрежительному молчанию осуществлялся сам факт наказания, а завершалось всё совместной молитвой или поднадзорной беседой с батюшкой в местной церкви.

Плоды экзотичного воспитания имеют специфический вкус. С детства Юрка привык с особым трепетом относиться к всевозможным догматам, приказам и нравоучениям: вступая в диалог, он всегда неосознанно ставил себя в подчинённое положение, и ещё ему казалось, что любое устремление к цели непременно означает страдание. При этом удивительным образом он рос открытым, светлым ребёнком. По причине вынужденного многолетнего пребывания в двух параллельных средах, — в школе и дома — он, гибкий как молодое деревце, рано выучился принимать жизнь в самых разных её облициях. Да, он видел щедроты внешней действительности и, сравнивая её с квартирой, понимал всю нелепость заведённых у них порядков, однако он видел и то, что в этой квартире прозябает родная душа, тогда как насыщенный соблазнами город вполне бесчувствен и грозит проглотить его без остатка. Со временем, глядя на мать, Юрка всё более убеждался, что её своенравность имеет корнем серьёзное психическое расстройство, но с тем всё настойчивее заявляла о себе и мысль, что у него нет никого ближе её, и значит он, любящий сын, должен озаботиться врачеванием.

Так, в надежде остановить прогрессирующее безумие матери, Юрка выработал «Доктрину спасения», она состояла из трёх пунктов:

1.) Дабы не расстраивать мать, я обещаю свято блюсти устанавливаемые правила, ибо каждая новая причуда позволяет ей мириться с несовершенством бытия;

2.) В то же время нельзя забывать, что за окнами действует город, населённый здоровыми, жизнелюбивыми людьми. И, поскольку я её сын, я могу служить посредником между городом и квартирой;

3.) Поэтому я обещаю употребить весь свой ум, свои таланты и недостатки на то, чтобы привнести краски мира в наш склеп, и тем самым обратить тщательно выстраиваемые ею бумажные стены в ворох пустых формуляров.

Изложив «Доктрину...» в письменном виде, он спрятал листок под подушку и по утрам, как символ веры, проговаривал её вслух, а, приходя в школу, сейчас же старался претворить в словах и поступках.

Прежде, хотя и мечталось ему стать точкой узлования коллективной заботы, он словно бы исполнял чье-то злое волеие, всегда отстоя в стороне от толчеи и гомона человеческой толпы. Теперь же у него появилась ясная цель и, он схватился на том, чтобы так или иначе войти в круг одноклассников, дабы при их участии вернуть матери радость существования.

Замеченное всеми, это стремление стать своим, мгновенно в глазах окружающих превратило Юрку в шута с придурковатыми мотивами и убеждениями. Но он легко принял и эту роль — лишь бы не отвергали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.